

**ОСОБЕННОСТИ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ГЕРОЯ
В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДРАМЕ А. Н. ОСТРОВСКОГО
«БЕСПРИДАННИЦА»
FEATURES OF THE DRAMATURGICAL HERO
IN THE PSYCHOLOGICAL DRAMA OF A. N. OSTROVSKY
«A GIRL WITHOUT A DOWRY»**

Аннотация: В статье раскрываются особенности образов драматургических героев А. Н. Островского в психологической драме «Бесприданница»; рассматриваются специфические признаки героев А. Н. Островского; анализируются характеры главных персонажей драмы.

Ключевые слова: драма; А. Н. Островский; образ; драматический герой; противоречие; характер; психологическая драма.

Abstract: The article reveals the features of the images of dramatic characters of A. N. Ostrovsky in the psychological drama «A girl without a dowry»; considers the specific characteristics of the characters of A. N. Ostrovsky; analyzes the characters of the main characters of the drama.

Keywords: drama; A. N. Ostrovsky; image; dramatic hero; contradiction; character; psychological drama.

«Бесприданницу» А. Н. Островского, написанную в 1879 г., справедливо считают одной из лучших пьес русского национального театра. Именно А. Н. Островский, начавший свой творческий путь как комедиограф, стал создателем драмы как жанра в русской литературе. Его новаторство состояло, прежде всего, в открытии сложных, психологически противоречивых характеров.

Цель нашего исследования – разобраться в особенностях драматического героя, его специфических признаках.

Для начала обратимся к работам Б. О. Костелянца и В. Е. Хализева по исследованию драмы и рассмотрим некоторые признаки героя драмы.

Костелянец, обозначая специфические черты драматического героя, пишет: «Лирический герой погружен в свои эмоции, переживания, мысли. Эпический – многообразно проявляет свой характер, втягиваясь в события и по своей воле, и помимо нее, по воле обстоятельств. Герой драмы отличается от того и другого. Его замыслы, побуждения, переживания должны выражаться в действиях и поступках. Но поступки эти связаны лишь с волей героя, а не с какими-либо

сторонними обстоятельствами» [3]. Здесь исследователь обозначает специфику драматического героя, в аспекте драмы как литературного рода.

Отличия героя драмы как жанра от героя, например трагедии, Костелянец рассматривает довольно подробно. Прежде всего, «...непременный и неизбежный» удел трагического героя – страдания. Они необходимы герою трагедии, «...ибо ему потребны действия, вызывающие эти страдания». Он, оказавшись под влиянием общественных отношений, обстоятельств, не в силах отказаться от своих действий, так как побуждается к ним изнутри и извне условиями, давлением самой среды, в которой герой находится. Драматический же герой может поступить тем или иным образом. И, как правило, поступает вопреки установленным в среде нормам и правилам. Он в некоторой степени действует, руководствуясь собственным выбором и усмотрением, что вносит в его действие своеобразный творческий элемент. Но стоит отметить, что в отличие от художника, драматический герой является лишь относительно творящим лицом. Поступая согласно своей воле, он при этом находится под давлением обстоятельств, высших сил, известных ему и узнаваемых по мере действия. Результатом такой творческой деятельности становится не произведение, как у художника, действия которого не зависят от постороннего влияния, а драматическое событие либо цепь таких событий, то есть результат действий нескольких лиц и одновременно стечения случайностей, обстоятельств, неподвластных человеку сил. Этим объясняется противоречивая специфика драматического поступка, в равной степени произвольного, содержащего творческое начало, и непроизвольного, зависящего от внешних сил.

Как отмечает В. Е. Хализев, драматизм всегда связан с активным переживанием неразрешенных противоречий, с беспокойством и тревогой. Драматично то жизненное положение, при котором под угрозой находится осуществление каких-то важных и значительных, неотъемлемых запросов человеческой личности. Драматический конфликт, как правило, пронизывает все произведение, составляет основу едва ли не всех эпизодов. Драматурги отражают самые мучительные, бурные моменты, так что герои пребывают в состоянии ожидания, тревоги, взволнованности [5].

Справедливо суждение Б. О. Костелянца о том, что основу конфликта драмы составляет «...противоречивость сознания человека пореформенной эпохи» [2]. Драма требует от героев «...волеизъявления и самовыражения». Персонажи драмы оказываются в совершенно новой ситуации, в которой уже невозможно ограничиваться имеющимся опытом. Вступая на не изведанные ранее пути, герой драмы «...творит ситуацию» и сталкивается с результатами, которые не совпадают с его изначальными намерениями. Они и не могут совпасть, так как в процессе развития драматического сюжета каждый из персонажей вносит себя в ситуацию, дает свое субъективное решение. Исследователь отмечает, что противоречия наиболее ярко проявляются в поведении Карандышева и Ларисы. Они «...испытывают воздействие "веяний" своего времени и давление его социальных, идейных, нравственных тенденций...и каждый из них по своему же отвечает на это давление» [2].

Уже в самой афише, в именах действующих лиц заложено противоречие. Описательный комплекс Карандышева состоит из нарочито гротескового сочетания: «Юлий Капитоныч Карандышев, молодой человек, небогатый чиновник» [4, с. 318]. Человек, с прозаическим, обиходным отчеством, наделен именем римского императора. В толковании фамилии Б. О. Костелянец ссылается на Даля: «...карандыш – коротышка, недоросток» [2]. В фамилии содержатся пренебрежительные коннотации. В данном случае «значимое» имя свидетельствует о сложности, неоднозначности образа персонажа. Имя римского императора – притязание на величие. С I века до н. э., когда в Риме появились предпосылки для перехода от республиканской формы правления к единовластию, лица, завладевшие верховной властью, стали обосновывать свои права на власть происхождением от древних царей и героев. Юлий Цезарь, напр., указывал, что его род по отцу восходит к богам: Юпитер – Венера – Эней – Юл – род Юлиев [6]. Сочетание обыденной фамилии и отчества с возвышенным именем римского правителя, с одной стороны, создает авторскую иронию уже в описании персонажей, а, с другой стороны, уже с самого начала предопределяет противоречия в характере персонажа.

Образ Ларисы также крайне неоднозначен. Она нуждается в «...жалости, поддержке, ободрении» и просит этого у Карандышева. Она откровенно признается, что только «...хочет полюбить» его, то есть не любит. Так же открыто Лариса говорит о предстоящем замужестве как средстве «...бежать от людей».

Это самооправдание, которое переходит в мольбу о помощи, сочувствии, имеет сложный, противоречивый характер. Моля о сердечности, героиня открыто и бессердечно говорит Карандышеву, что ее выбор не определяется его заслугами и достоинствами, что думает она только о себе, а не о нем – он для нее лишь средство.

Во втором действии Карандышев, объясняя необходимость званого обеда, молит Ларису о жалости: «Пусть хоть посторонние-то думают, что вы любите меня, что выбор ваш был свободен». На что Лариса произносит: «Вы только о себе. Все себя любят!» [4, с. 348]. Карандышев, безусловно, думает только о себе, но и Лариса поступает аналогично.

Двойственная натура Ларисы отражена в ее поведении и речи. Как отмечает А. И. Журавлева, для реплик героини Островский использовал стилистику жестокое романса, где соединились своеобразная поэтичность и фальшь, пошлость, «красивость»: «...цитаты из Лермонтова и Боратынского сочетаются в ее речи с высказываниями типа "Сергей Сергеич... это идеал мужчины", "Вы – мой повелитель"» [1]. По мнению исследователя, с двойственностью героини соотносится и образ Паратова, возлюбленного Ларисы. Он «...по-своему поэтичен, хотя пуст и фальшив». Ларисе нужен не человек, подобный Карандышеву, кого унижают и не воспринимают всерьез, а человек, способный на унижение другого.

Героиня ищет в Паратове страстную натуру, подобную ей. В мире, полном «вожеватства» и практицизма, способность осуществлять немислимые, рискованные поступки восхищает Ларису в Паратове. Его размах, безрассудство

в среде расчетливых дельцов она восприняла как «...воплощение стихийной поэзии жизни» [2].

Когда Карандышев ревнует Ларису к Паратову и Вожеватову, героиня произносит: «Не бойтесь, я не люблю и не полюблю никого» [4, с. 333]. Она никого не полюбит, потому что разлюбить Паратова для нее невозможно.

Островский изначально ставит продолжающую любить одного человека и вынужденную выйти замуж за другого героиню в трудное, противоречивое положение. Сама Лариса противоречивости своих побуждений, стремлений и поступков на данном этапе развития действия еще не ощущает.

Для Карандышева женитьба на Ларисе – средство «погордиться и повеличаться» перед людьми, задевшими его самолюбие, самоутвердиться перед городским обществом. Но нельзя сказать, что Юлий Капитоныч не любит Ларису. Островский раскрывает искажение понятия любви в среде, где преемственные от эпохи крепостничества формы уничтожения человеческой личности осложняются зарождающимися буржуазными отношениями.

Если Вожеватов, образец расчетливого дельца, человека этой новой эпохи, не заинтересован в любви, то Карандышев способен на любовь. Но, как верно подметил Б. О. Костелянец, герой не может отдаться этому чувству, так как есть нечто, больше тревожащее его: ему необходимо скрыть от других и самого себя истинное свое положение, показать, что он не «соломинка», а человек значительный [2].

Именно с Карандышевым связан мотив «маленького человека». Результаты его действия противоположны намерениям: он хочет казаться барином, а окружающие видят в нем лишь шута. Примечательно, что в литературе шуты зачастую играют ключевую, важную роль. Вспомним пьесы Шекспира: шут из «Короля Лира» был единственным, кто остался с обезумевшим королем в бурю и спас его от смерти, в «Гамлете» шут Йорик был учителем Гамлета (шут – одновременно и слуга, и учитель). Наконец, феномен шутства – это попытка через призму смеховой ситуации, гротескного изображения искусственного указать окружающим на скрытые смыслы, сакральное, то, что не дано увидеть обычным людям. А Карандышев – единственный, кто видит истинную личину Паратова, кто пытается убедить Ларису в ее заблуждениях. Но слова шута, насколько бы ни были они правдивыми, не воспринимаются всерьез.

Пытаясь замаскировать правду о «соломинке», он подменяет реальность вымыслом, удовлетворяя собственное самолюбие. Произнося тост за Ларису, он превозносит ее умение разбираться в людях, выбирать их, в частности его самого: «Да, господа, я не только смею, я имею право гордиться и горжусь. Она меня поняла, оценила и предпочла всем» [4, с. 375]. Но пик самоутверждения Карандышева жалок и трагичен, потому что Кнуров, Вожеватов, Паратов и сам зритель осведомлены о решении Ларисы ехать за Волгу. Сложившаяся ситуация полна глубокой драматической иронии. Карандышев, ослепленный самолюбием, находится в заблуждении, предполагающем в дальнейшем неизбежное прозрение.

Сначала Карандышев узнает об исчезновении гостей. Герой готов счесть это за неучтивость. Затем следует невероятное и убийственное: Ларисы тоже

нет. От Ивана Карандышев узнает о ее отъезде с господами за Волгу. Пытаясь отдалить страшную истину, он надеется найти какого-нибудь виновника, отлетчика за случившееся и прокурорским тоном спрашивает: «Харита Игнатьевна, где ваша дочь? Отвечайте мне, где ваша дочь?» [4, с. 377].

Слова Огудаловой звучат безжалостно и враждебно: «Я к вам привезла дочь, Юлий Капитоныч; вы мне скажите, где моя дочь!» [4, с. 377]. Осознав, где сейчас Лариса, Карандышев объявляет себя жертвой сговора: «И все это преднамеренно, умышленно – все вы вперед сговорились...» [4, с. 377].

Читатель знает, что идея выставить Карандышева шутком, поглумиться над ним, уничтожить его на глазах Ларисы принадлежит одному Паратову. Потом между Вожеватовым, Кнуровым и Паратовым происходит подобие «сговора», но он успешно реализуется благодаря бессознательному содействию самого Карандышева. И в особенности благодаря Ларисе, у которой осуществился «сговор» с Паратовым.

Наконец, осознав ситуацию такой, какой она является в действительности, Карандышев, избегавший до этого правды, восклицает: «Жестоко, бесчеловечно жестоко!» [4, с. 377]. Он говорит о бесчеловечном и жестоком поступке Ларисы, не признавая, что сам был к ней бесчеловечен и жесток.

В своем монологе он признает себя «смешным человеком», чем срывает с себя маску демонстрационного барства, напускного возвеличивания. Безусловно, это возвышает героя в глазах читателя. Теперь мы видим настоящее лицо Карандышева, «...искаженное мукой человеческое лицо» [2], начинаем сострадать ему. Но к этому состраданию примешивается впечатление от осуществленных поступков героя, он не превращается в абсолютно нового человека, но отныне он становится выше дельцов, которые притязают на Ларису.

Ранее Карандышев претендовал быть повелителем Ларисы, не соломинкой, а господином, которому подчиняются. Но Лариса повинует только себе и тем, кого избирает. Безусловно, ее выбор ошибочен, а ошибка поехать за Волгу становится и вовсе роковой. Но героиня совершает выбор не опрометчиво, а исходя из логики чувств, своих надежд и стремлений. Фраза Паратова «Повелительница моя!» [4, с. 374] побуждает Ларису к мысли, что возлюбленный, как и она сама, окажется способным пренебречь обстоятельствами, «...подняться над прозой жизни во имя ее поэзии» [2].

Таким образом, герои драмы А. Н. Островского «Бесприданница», представляя собой противоречивых персонажей, находящихся на перепутье в условиях окружающей их среды, осуществляющих в известной мере собственный выбор в обстоятельствах, диктуемых обществом, являются типичными героями психологической драмы.

Библиографический список

1. Журавлева, А. И. Александр Николаевич Островский : в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам / А. И. Журавлева, М. С. Макеев. – М. : Изд-во МГУ, 1997 – 112 с.

2. Костелянец, Б. О. «Бесприданница» А. Н. Островского / Б. О. Костелянец. – 2-е изд., доп. – М. : Художественная литература : Ленингр. отд., 1982. – 190 с.
3. Костелянец, Б. О. Драма и действие : лекции по теории драмы / Б. О. Костелянец. – М. : Совпадение, 2007.
4. Островский, А. Н. Избранные пьесы / А. Н. Островский. – М. : Художественная литература, 1969. – 468 с.
5. Хализев, В. Е. Драма как явление искусства / В. Е. Хализев. – М. : Искусство, 1978. – 240 с. – https://krispen.ru/knigi/halizev_01.pdf.
6. https://ru.wikipedia.org/wiki/Римские_имена.